

Дарья
Сойфер

Читайте романы Дарьи Сойфер

На грани серьёзного

Диагноз: любовь

Итальянец по требованию

Лайки вместо цветов

Секрет фермы

Статус: бывшая

Укротить ловеласа

Снимай меня полностью

Любовь с первого клика

Дарья
Сойфер

ПРАЗДНИК
на выезде

Москва
2022

*С благодарностью Диане —
близкому другу, прекрасному провизору,
дилеру вдохновения и проводнику
в радужный мир фармацевтики.*

А если стал порочен целый свет,
То был тому единственной причиной
Сам человек: лишь он — источник бед,
Своих скорбей создатель он единый.

Данте Алигьери
«Божественная комедия»

Глава 1

— Пусть катится ко всем чертям! Вконец оборзел! — Громогласные вопли отца прорвались сквозь пелену похмельного сна и обрушились на Глеба чугуном молотом.

Впрочем, воплями дело не ограничилось. Не успел Глеб прийти в себя после шумовой атаки, как мозг село от холода и что-то потекло за шиворот.

— Камон, пап... — простонал Глеб и с усилием приоткрыл левый глаз. — Давай не сейчас...

Одного взгляда на отца хватило, чтобы понять: нет, разговор отложить не удастся. В такой ярости отец был лишь однажды — когда Глеба арестовали на Ибнице несколько лет назад за порчу фонтана на городской площади. Ну... Как порчу. Несчастный случай. И вообще, у той машины явно были проблемы с управлением. Но теперь-то какая муха укусила отца? Да, вчерашние возлияния отбелили Глебу память, и что там стряслось на мальчишнике Макса, он не помнил,

но знал наверняка: в Москве в феврале не найти ни одного работающего фонтана. Так что и психовать отцу, по идее, было совершенно не с чего.

Глеб вытер мокрое лицо одеялом и покосился на пустое ведерко для шампанского в руках отца. Ох, не к добру так вздулись его вены и побелели костяшки пальцев. Не станет же он бить этой жестянкой родного сына?.. И потом, двадцать пять лет — поздновато для порки, нет?

— Кирюша, ему плохо! — Мама встревоженно выглянула из-за отцовской спины. — Сынок, где у тебя аспирин?

— Не кирюшкой мне здесь! — отрезал Рудаков-старший и рывком сдернул с Глеба одеяло. Брови, припорошенные сединой, поползли наверх, отец потянулся к узлу галстука и как-то странно задышал. Шумно и хрипло, как Дарт Вейдер.

Тела своего Глеб с похмелья почти не чувствовал, а потому папиной реакции испугался не на шутку и резко присел, чтобы себя осмотреть. На первый взгляд все было в норме: ни ран, ни синяков, ни спонтанных татуировок. Глеб выдохнул с облегчением. Как-то он с друзьями накурился в Сеуле и набил себе на предплечье иероглифы, а потом выяснилось, что это строчка из меню местной забегаловки. Сводить было долго и больно. К счастью, теперь ничего нового на себе Глеб не увидел, если не считать нескольких пятен краски.

— Не парься, пап, это легко отмоется.

Но отец сжал побелевшие губы и кивком указал на соседнюю с Глебом подушку. На ней покоились

женские ноги. И вроде бы в самом этом факте не было ничего жуткого, женских ног в Глебовой кровати перебивала уйма, причем некоторые из них вместе с хозяйками Рудаков-старший обнаруживал лично, пока не купил сыну отдельную квартиру, но эти... Они лежали себе ровнехонько, как в гробу. Неподвижные ноги в черных колготках и туфлях на каблук.

Глеб вздрогнул. Версию с манекеном он отбросил сразу. Во-первых, до такого розыгрыша никто бы из его друзей не додумался, уж скорее сам Глеб подкинул бы кому-нибудь куклу ради хохмы. А во-вторых, слишком уж острыми показались ему коленки. Все же производители манекенов предпочитают более изящные формы. Поэтому пришлось признать: ноги на подушке принадлежат человеку. Вот только живому ли?

Как проверять пульс человека на запястье, Глеб видел в кино, а что делать со ступнями... Или лучше не оставлять отпечатки пальцев на случай, если это все же место преступления?

— Она хотя бы жива? — Глеб аккуратно потыкал лодыжку — ничего.

— Ты меня спрашиваешь?! — Рудаков-старший схватился за сердце. — Дожили! Теперь мой сын еще и убийца!

— Кирюша, твое давление... — заволновалась мама и вытащила из сумки плоскую коробочку с таблетками. — Давай мы сейчас подышим, валидол под язык...

— Валидол морально устарел, — раздался из-под одеяла глухой женский голос как раз в тот момент, когда Глеб попытался снять с ноги туфлю.

— Сынок, кто это? — Мама едва шевелила губами от ужаса.

По правде сказать, ответа Глеб и сам не знал. Отбросив туфлю на пол, он медленно тянул на себя одеяло, сантиметр за сантиметром приоткрывая обладательницу ног и познаний о валидоле. Нет, Рудаков-младший обожал сюрпризы и острые ощущения, а больше всего в своих днях рождения любил этот сладостный миг предвкушения и неизвестности, который всегда сопровождает разворачивание подарков. Но сегодня предвкушения никакого не было. Скорее что-то среднее между «только бы не страшненькая» и «хорошо бы не чокнутая».

Первая молитва была услышана. Под одеялом в позе Ленина в мавзолее лежала девушка не старше самого Глеба. В скромном деловом костюме она казалась типичным представителем офисного планктона, но опытный взгляд Рудакова-младшего мгновенно считал под плотной дешевой тканью не самую плохую фигурку. А вот насчет чокнутости Глеб уверен не был. Потому что говорить она продолжала, не открывая глаз:

— Наша компания разработала препарат нового поколения, и это не просто седативное и сосудорасширяющее... — Она зевнула и лишь после этого соизволила наконец проснуться.

— Доброе утро. — Глеб всегда умел быть галантным с дамами.

Но вместо того чтобы оценить его владение этикетом или хотя бы из вежливости ответить, девица соскочила с кровати с прытью, свойственной только

испуганным кошкам и белкам-летягам, и попятилась, припадая на босую ногу.

— Что вы делаете в моем номере?! — пробормотала девица, зачем-то приглаживая прическу. Бесплезно: то, что некогда было пучком, теперь больше напоминало клочок волос, вынутый из слива в душе.

— Вообще-то это мой номер. — Глеб не сдержал улыбки, уж больно забавно его гостя тарасила глаза и прикрывала полностью одетую грудь. Как будто нашелся бы в этом мире хоть один умалишенный, способный посягнуть на эту помятую с бодуна «красоту».

— *Твой номер?!* — встрял отец. Тот факт, что ноги в постели Глеба оказались вполне себе живыми, подействовал на Рудакова-старшего лучше любого валидола. — Твоим этот номер будет, когда ты хоть копейку на него сам заработаешь! И что ты такой довольный, я понять не могу?! — Отец вышел из оцепенения и снова навис над Глебом: — Ты где эту шмару взял? В аптеке украл или это такие ролевые игры?

— Прошу прощения! — Девушка наконец взяла себя в руки и оскорбленно вздернула подбородок. И хотя колготки ее были разодраны, узкую черную юбку покрывали пятна, а одна туфля потерялась во время прыжка с кровати, глаза так и горели праведным гневом. — Я здесь по работе!

— Ну вот... Глебушка, мы же обсуждали с тобой, как опасно связываться с... эм-м-м... с ночными бабочками! — Мама вздохнула и скорбно качнула головой, а затем повернулась к незнакомке: — Не волнуйтесь, мы все оплатим. Вы карточки принимаете? — в маминй руке блеснула платиновая «Виза».

— Я?! — задохнулась девушка. — Я из «Викрам Фармасьютикалз»! И если б я не спешила сейчас на конференцию...

Глеб не дослушал. Его будто за шиворот выдернули из реальности и бросили назад во времени, во вчерашний мальчишник Макса. Точно! Он ее вспомнил! Внизу, в фойе отеля, она тем же самым тоном отчитывала паренька с ресепшен. Память вернулась не полностью, но и этого крошечного осколка Глебу сейчас хватило.

Они с ребятами как раз привезли Макса на мальчишник в банкетный зал отеля «Равенна». А напротив проходила какая-то международная конференция... Или форум... Табличка еще такая стояла зеленая. То ли фармацевты, то ли фармакологи, если это вообще не одно и то же... И Глеб как раз хотел что-то уточнить на ресепшен, но эта девушка так яростно отчитывала администратора, что Рудаков невольно заслушался. Вчера она выглядела совсем иначе. И пучок был такой гладкий-гладкий, как пончик в зеркальной шоколадной глазури. Кажется, ей дали меньше номеров, чем нужно. Для каких-то чуваков из Индии. И к ней еще потом подрулил низенький усатый индус, видно босс ее, потому что она тут же залебезила перед ним... Как же она говорила? Господин По... Пу... Пуджари! Именно, Пуджари! А он в ответ назвал ее...

— Алина! — выдохнул Глеб радостно.

Ха! Вспомнил все-таки! Пусть и не до конца и не во всех деталях, зато теперь он был уверен, что не опустился вчера на самое дно и не вызвал, как выражается мама, «ночную бабочку». Более того, умудрил-

ся как-то снять фармдиву, эту офисную воительницу, а таких побед в его послужном списке пока не значилось. А он красавчик! Одно дело — подцепить девушку, которая изначально настроена отрываться на полную катушку, другое — отвлечь от работы трудоголичку. Новый уровень, господин Рудаков, принципиально новый уровень. Вспомнить бы еще, как именно ему это удалось... И почему она так и не разделась. Может, у них была офисная ролевушка?..

— Откуда вы знаете мое имя? — нахмурилась Алина.

Глеб развеселился еще больше. Кажется, не он один был сегодня не в ладах с памятью.

— Зачем же так официально, — протянул он. — Мы с тобой довольно близко познакомились...

Ее лицо потешно вытянулось, брови взметнулись вверх. Боже, да это лучшее похмельное утро! Приключение, о котором можно поведать потомкам. Ну, не раньше их совершеннолетия, разумеется.

— Да сколько можно! — Отцовское терпение лопнуло неожиданно и громко. С ним всегда было как с воздушным шариком: знаешь, что рванет рано или поздно, но все равно пугаешься. — Ты! — Папа трясущимся пальцем указал на Алину. — Пшла вон! И имей в виду — ни копейки от меня не получишь! А ты... — Палец переместился в сторону Глеба. — Оденься уже и чтобы через пять минут был внизу в ресторане.

Дверь за Рудаковым-старшим захлопнулась с такой силой, что модная абстракция над кроватью печально завалилась набок. Мама, как и следовало ожидать, засемила за мужем, она всюду следовала за

ним, чтобы в нужный момент послужить бампером между врожденной гневливостью супруга и окружающими. Напоследок бросила на Глеба взгляд, полный родительского укора, встала на цыпочки, чтобы поправить картину, и бесшумно исчезла в коридоре отеля.

А Глеб все ждал, что теперь, наедине, Алина устроит ему допрос с пристрастием. Девушек ведь хлебом не корми, но дай с утра после секса вскрыть парню мозг на темы «кто мы друг для друга» и «куда нас приведет новая ступень отношений». Однако Алина как будто вовсе забыла о существовании Глеба. Вместо того чтобы, краснея, расспрашивать, что именно случилось вчера ночью, она сосредоточенно изучала пол под ногами. Стесняшка? Что-то новенькое.

— Я понимаю, тебе неловко, — покровительственно начал Глеб и потянулся: именно ради таких моментов он терпел трижды в неделю пытку фитнесом, не говоря уж о муках депиляции. При виде его рельефного и гладкого, как морской валун, торса у девиц сбивалось дыхание, а взгляд затуманивался. — Ты смущена и гадаешь, как смогла захомутать такого парня...

Но Алина даже не подняла на него глаз, а молча опустилась на колени и нырнула под кровать.

— Я гадаю, — донеслось до Глеба, — где моя вторая туфля. Есть! — непрошибаемая девица вылезла на свет божий, победоносно сжимая находку.

Вот тут-то Алина наконец соизволила обратить на Глеба внимание. Медленно, будто смакуя увиденное, она скользила взглядом по его роскошному прессу ниже и ниже, туда, где едва держались на бедрах пока

не застегнутые джинсы. И как знать, может, зря он их вообще натянул?.. Если эта девица сейчас, сгорая от вожделения, накинется на него дикой кошкой, он возражать не станет.

На лице Алины, впрочем, отразилось далеко не вожделение, скорее обеспокоенность.

— Ты ведь не из «Байзера»?! — нахмурилась она. — Я тебе ничего вчера не рассказывала про кардиомин?

— Кардио... что? — опешил Глеб. — Слушай, не из какого я не из «Байзера». Я — Глеб. Глеб Рудаков... — Он протянул руку, но она отмахнулась от него, как будто он предлагал ей рекламную листовку.

— Не важно. У меня в десять конференция, и мне надо срочно привести себя в порядок. Черт! — Она вытащила телефон и всплеснула руками. — Сел! Ты не в курсе, который час? Если повезет, подзаряжу на ресепшен... Еще распечатать речь... Завтрак! Господи, Пуджари просил завтрак в номер...

— Полпервого, — Глеб злорадно ткнул в настенные часы.

У Алины аж кровь от лица отхлынула. Таких бледных людей Рудаков-младший видел только в немом кино и даже ощутил укол совести, но тут же напомнил себе: это ее проблемы. Никто же не виноват, что она зациклена на работе! И вообще — это невежливо трепаться про офисные глупости наутро после свидания. Так что если кого в этом номере и должна мучить совесть, то уж никак не его, Глеба.

— Полпервого... — слетело с ее побелевших губ.

Она заметалась по номеру с такой скоростью, что у Глеба зарябило в глазах. Никогда прежде он не ви-